

18+

Вячеслав Абрамов



**ТО, ЧТО БЫЛО
НЕ СО МНОЙ,
ПОМНЮ...**



Вячеслав Абрамов

То, что было не со мной, помню...

<https://litres.ru/74257797>

ISBN 9785007061223

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

«То, что было не со мной, помню...» — это для кого-то смешное продолжение ещё более смешной фразы «Что-то с памятью моей стало». Но у смешливости есть альтернатива — серьёзность и осознанность. Память — тончайший инструмент, способный запечатлеть важное в жизни. А слово — средство донести важные мысли и смыслы. И то, и другое может помочь это важное осознать. Автор стремится через канву рассказов и зарисовок передать и душевное переживание, и вкус смысла. С надеждой вызвать отклик и ума, и души.

Содержание

То, что было не со мной, помню	5
Тарас и спецназ	8
Тайный план «Путина»	20
Он так и не смог опохмелиться	32
Машину угнали...	36
О тех, кого успокоило море	44
Приключение с итальянцем в России	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

То, что было не со мной, помню...

Вячеслав Абрамов

© Вячеслав Абрамов, 2026

ISBN 978-5-0070-6122-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

То, что было не со мной, помню

После подавления антиправительственных выступлений 1956 года в Венгрии оставался усиленный контингент советских войск. Одна из воинских частей расположилась на окраине небольшого города. Была весна 1957 года.

В части имелось несколько «дембелей», ожидающих приказа на увольнение в запас и отправки домой. Двое из них были парни разухабистые, спокойно им не ожидалось. Снарядили «духа» из молодого пополнения в самоволку за палинкой и сигаретами. Риск попасться был небольшой, уже ожидалось возвращение в Союз, офицеры расслабились, после редких построений и занятий службу правил только дежурный по части.

«Дух» без приключений добрался до городка и зашел в ближайший магазинчик за сигаретами. За палинкой надо было зайти в один из дворов. В магазинчике у прилавка уже стояли несколько человек, солдатик встал за ними. Следом за ним зашла молодая женщина в светлом платье с модной сумочкой. Стоявший в стороне мужчина рванул с нее сумочку, но женщина с перепугу в нее вцепилась и вскрикнула. Наш боец был не робкого десятка и среагировал быстро: ударил мужчину по рукам и сделал «подсечку». Но в этот момент женщина уже выпустила сумочку из рук, а мужчина вскочил и выбежал в открытую дверь. Солдатик — за ним и

уже когда он почти нагнал венгра, его сбил с ног и оглушил ударом по голове откуда-то выскочивший второй здоровенный мужик.

Не дождавшись «духа», дембеля промолчали. Но на следующий день прибывший в часть особист был осведомлен своим «штычком» об отсутствии бойца. Пошли «раскрутки». Дембеля сознались, что и как было. Солдатика стали искать.

Опрос местного населения ничего не дал. Никто ничего не видел. К советским солдатам относились с большой прохладцей. Пришлось прочесывать окрестности. За городом были затопленные половодьем перелески, пришлось брать лошадей и искать верхом. В одной из промоин нашли форменную одежду со следами крови. Тела не нашли и решили, что его сбросили в реку, а там унесло течением. Командир и замполит части держали совет с особистом, так как за такое ЧП могли поплатиться все трое. Выходить на венгерские власти было бесполезно, это ни у кого сомнений не вызывало. Зацепок никаких. Доложить как есть: убили или не убили неизвестно, если убили, то кто убил... И почему мер не приняли — первый вопрос начальства, и начнется расправа...

Особист подал идею — солдата убил кто-то из дембелей, «по пьяне», «на почве личных неприязненных отношений», а тело — в реку. Но тела нет, а вдруг свалил солдатик в Австрию, граница-то недалеко? Потом начнут верещать на «Радио свободы»... Делать нечего, сообщили «наверх». Но при-

ехавший работник военной прокуратуры привез «подарок»: ниже по течению реки нашли чей-то труп, который опознать невозможно...

Особист засуетился, привлек тех самых двоих разухабистых, дембеля не признавались, но нашлись «свидетели» и «следы волочения». Трибуналу этого хватило, одному впаяли 15, второй как соучастник получил 8 годков.

Родители молодого солдата получили цинковый гроб с «останками». Девушке, которая обещала его ждать, хотелось умереть.

А боец, оказывается, был живой. Разбив ему голову, мадьяры выбросили его одежду в одном месте, а тело отвезли за сотню километров совсем в другую сторону. Его чудом нашла в лесу пожилая женщина, муж и сын которой погибли на войне. Привезла в больницу, где оказался хороший хирург. Парень выжил, но сказала серьезная черепно-мозговая травма, он ничего не помнил и долго не мог связно говорить. Кто он и откуда она попыталась выяснить, но безуспешно и со временем оформила на него документы на имя племянника, пропавшего во время смуты 56 года. Так и живет он в Венгрии, но часто в его сознании возникают образы каких-то других мест и других людей, и его охватывает болезненное беспокойство. Снятся сны из чьей-то другой жизни, после которых он плачет. Все и он сам думают, что это последствия повреждения головы.

12.12.2011

Тарас и спецназ

*«Да познает всякая тварь своё ничтожество перед
Всевышним Господом».*

Когда я открыл глаза, то внутри всё сжалось и застыло от ужаса: лежу под водой, на дне! Пипец — утонул! Когда, отчего, почему не помню и продолжаю видеть?!

Только спустя доли секунды, во время которой душонка переместилась в паховую область, осознаю, что от воды меня отделяет стекло маски. Тут уже возвращаюсь к реальности. Ну ни х@ра себе, надо же было так вырубиться, да ещё под водой! Так можно и не проснуться... Хорошо, что эти спуски под воду проводятся на глубине не больше трёх метров, для привыкания к подводному миру.

Быстро осмотрелся: вокруг никого, не считая танцующих мелких креветок. В ИДАшке¹ смеси достаточно, проспал не больше 5 минут... И немудрено — которые сутки на сон остаётся часа три-четыре, башка гудит, всё болит... нет, вроде уже не болит... надо же, релаксация какая под водой — за полчаса отдохнул! Ну да, подожди брат, сначала выползи на землю, там и посмотрим, где и что болит...

Такая умирительная пауза во время тренировочного по-

¹ изолирующий дыхательный аппарат

гружения — просто подарок после изнуряющей беготни, учений, занятий... Можно ещё минут пятнадцать побалдеть. Пейзаж песчаного пустынного дна уже порядком надоел, в голову полезли разные эпизоды прошедших дней...

Тут же вспомнился сегодняшний инструктаж перед тренировками: «Под водой обычные закономерности поведения человека теряют свою силу... Любая мелочь может стать роковой... Нужно адаптироваться в водной среде, нужно находиться под водой максимально возможное время... Море не всегда будет таким тёплым и спокойным, как сейчас, таким оно бывает редко... Море меняет свои свойства и нравы в зависимости от температуры, глубины, течений, по-разному ощущаешь его просто при разной освещённости... Вам даётся возможность просто полежать на дне, понаблюдать вокруг, отслеживать своё состояние. Попробуйте слиться с этой средой, стать в ней „своим“. „Своих“ и терпеливых море любит, а „чужих“ и суетливых наказывает...»

Потом из памяти стали выскакивать как стоп-кадры щекотливые или яркие ситуации.

Вот первый прыжок с парашютом из «кукурузника», когда надо оттолкнуться от кромки люка, как учили, чтобы не сосчитать заклёпки по борту, а ноги как-то не хотят двигаться. Зато потом какой восторг, когда он, дорогой парашютик, раскрылся и ты воспарил!...

Вот на прыжках с допотопным и плохо управляемым парашютом Д-3 нас несёт прямо на взлётно-посадочную поло-

су, по которой вдали вырывает МиГ. Пытаясь проскочить бетонку, тяну до жопы стропы. Мне удаётся шлёпнуться и кувыркнуться в двух метрах от полосы, а трое из нашей группы до мягкой землицы не дотянули, никто не поломался, но стопы у них потом были синие и опухшие, ботинки просили на два размера больше...

Довольно неприятный момент, когда втискиваешь своё тело в торпедный аппарат, впереди такое же тело, позади тоже тело, темно, журчит заполняющая аппарат вода. Ну вроде проверяли всех на клаустрофобию, но вдруг товарищ спереди или сзади затупит? А выходить не в водолазную двенадцатиметровую башню, как в училище, а на сорокаметровую глубину, да прямо в морскую...

Опостылевшая до тошноты полоса препятствий, которую штурмовали по полдня... Мандраж, когда впервые нужно прыгать через лужу горячей нефти...

Далее все прочие издевательства над организмом в виде десятикилометровых марш-бросков по песчаному берегу, гребли на надувных лодках в гидрокостюме под палящим солнцем, вышибания мозгов и соплей на занятиях по рукопашному бою, становятся сплошным фоном и отдаются каким-то щемящим беспокойством внутри, — наверное, так «сигналит» подавленное чувство самосохранения... Становится жалко себя, мысли тянутся к отдыху, комфорту... Но тут, откуда ни возмись, возникает образ человека, который воодушевляет, поднимает из окопа в атаку! Кто это? В

то время не показывали фуффово-крутых Рэмбо и Крепкого Орешка. Тогда этим человеком для кандидатов в спецназ был Тарас.

Тарас (но не Бульба) руководил курсом базовой боевой подготовки кандидатов в спецназовцы и был выделяющейся личностью из числа других офицеров Отряда. Тарас любил одноимённый персонаж Николая Гоголя, часто применяя в адрес своих подчинённых его знаменитую фразу: «Я тебя породил, я тебя и убью». О том, что он хорошо знал эту повесть, свидетельствовали и его убедительные высказывания о боевых качествах запорожских казаков. Думаю, это был голос крови, потому что с соответствующей фамилией Тарасенко он унаследовал и буйный нрав — признак запорожской воли.

Среди его воспитанников из года в год ходила история о том, что Тарас во время учений со своей ДРГ² от места высадки на черноморском побережье просочился (или, говоря штабным языком, выдвинулся) в окрестности Киева, где условно уничтожил особо охраняемый стратегический объект. Во время этого рейда «по тылам» были выявлены серьёзные недостатки организации ПДСС³. Будучи за это отмеченным досрочным присвоением очередного воинского звания, обмывал майорские звёздочки в когда-то единственном ресторане небольшого южного города, где одновременно увеселялся и какой-то авторитет. Подробностей молва

² диверсионно-разведывательная группа

³ противодиверсионных сил и средств

не сохранила, известны лишь последствия случившейся разборки: погром в ресторане, несколько пострадавших от тяжёлых Тарасовых конечностей отправились в больницу. Обошлось без уголовного дела, потому что тогда ещё сугубо неофициальные сообщества жили по понятиям и не поручали решать свои проблемы милицейским органам. Однако присвоенного звания Тарас был лишён, пару дней пил и слушал Высоцкого: «... он обидел его, он сказал: капитан, никогда ты не будешь майором...», потом с прежним азартом продолжил службу, без которой себя не видел.

Подготовку поступающего к нему молодого пополнения Тарас начинал с явно несанкционированного испытания на силу духа. А как ещё проверить того, кому будет доверена не только граната, но и, упаси Бог, ядерный заряд? После занятия по боевому гранатометанию он торжественно вручал новичку ручную гранату, выдёргивал чеку и ласково просил подержать её с полчасика и одновременно поразмышлять о бренности земного существования, а по его команде вставить чеку. Граната была без боезапаса, но об этом конечно не объявлялось. Если боец не соблюдал процедуры спокойной медитации, начинал что-то лепетать или проситься к маме, Тарас отводил его к командиру отряда с рапортом о переводе «в обоз». Случалось, что кто-то гранату отшвыривал куда подальше или, паче того, от чрезмерного мандража ронял себе под ноги. Но в те времена, надо отдать должное военкоматам и учебке, такие чрезмерно впечатлительные особы

попадались совсем редко.

Если портилась погода, то «тарасовцы» точно знали: будем тренироваться. Когда противник прячется от непогоды, спецназу самое время продвигаться вперёд — этот постулат бойцы осознавали не голословно. Самый простой маршрут, когда крошечная тьма, сверху льёт, а под ногами хлюпает и скользит, становится бойким испытанием. Но для придания дополнительной «перчинки», Тарас, истинный гурман всяких неприятных неожиданностей, подбрасывал взрывпакеты или заранее натягивал на уровне щиколотки несколько трюсов. И уверяю вас, это были самые безобидные его штучки.

Уже через несколько дней после начала программы обучения новобранцы проходили «момент истины». Для этого использовалась большая песчаная коса, на которой из растительности был только редкий низкорослый кустарник и густой камыш с тучами комаров. Методика достижения «момента истины» не была какой-то эксклюзивной. Бывшим морпехам и прочим военным, уже возмнившим себя спецназовцами, нужно было показать, что пока что они — дешёвые вонючие мешки с некрепкими костями и слабенькими мускулами, ни к чему непригодные.

В первый день будущую элиту тупо гоняли с места на место с максимальной скоростью под палящим черноморским солнышком, от которого укрыться было негде. Бегать по песку с попадающимися камешками, через заросли камыша или

по как специально сотворённым для препятствий буеракам, было так увлекательно, что к заходу солнышка больше половины бойцов становились теми самыми пыльными, вонючими мешками, падающими при малейшей возможности. Но кое-кто ещё держался, с кислой улыбочкой аскетов рассматривая стёртые до кровавых мозолей ноги. Ссохлась и стояла колом «зелёнка»⁴, тело горело и зудело, а обмыться можно было только в солёной и противно тёплой морской воде.

Ночью дважды поднимались по тревоге, первый раз не уложились в норматив, так как одуревший народ уже мало что соображал и потерял ориентацию в пространстве и во времени. Уложились во второй раз в норматив, или нет, никто так и не понял, но Тарас решил завершить на этом первый день познания истины.

На второй день катер отвёз полуживых «каракатиц» мили за три от берега, откуда до него надо было добраться вплавь. С борта катера полоска берега ещё виднелась, а в воде с небольшой волной можно было ориентироваться только наобум. Катер то дрейфовал, то ходил рядом кругами, сбивая всех с толку. В небе, как назло, ни облачка. С катера был слышен воодушевляющий марш «Прощание славянки» и матюки Тараса с призывами плыть быстрее, иначе будет подгонять «багром в сраку». Двоих или троих, начинавших тонуть от судороги, вытаскивали из воды на катер, чем-то кололи, потом опять сбрасывали в воду, ободряя широко известной

⁴ в то время название полевого летнего обмундирования

аксиомой о непотопляемости говна. С таким вот шумом и весельем боевые пловцы кое-как выползли на берег, и это никак не походило на бравый выход дружины Черномора из волн морских.

Просушившись и подкрепившись, служивый народ дружно заснул на очередном инструктаже и проснулся уже по команде строиться в полной выкладке на очередной марш-бросок. Бег уже с первых минут сопровождался болью в мышцах, покалыванием в лёгких и дружным кашляньем. С облегчением вздохнули, когда через пару километров оказались на стрельбище, по команде стали выбирать позиции, окапываться и маскироваться. Но если кто-то это делал без смекалки и энтузиазма, получал пинок в зад с перелётом к новому месту, где надо было двадцать раз лечь-встать и снова проделать полное оборудование своей огневой позиции. Потом каждая группа бегом перемещалась на «позиции противника» и оттуда оценивала «успехи» своих сотоварищей. По возвращении выявленные замечания комментировались, каждому давалась возможность узреть свои ошибки и их устранить. Затем Тарас выставил мишени и разрешил для «разрядки» выпустить по ним по магазину из наших АКСУ. Сам он стрелял с явным удовольствием. Было видно, с каким уважением и любовью он относится к оружию, и оружие ему «отзывалось» всеми своими возможностями.

После изнуряющего заплыва, последующего не менее интересного времяпрепровождения и спокойного ужина все

спали без задних ног и передних рук, но ночью были подняты с весёлыми пинками и матерками по сигналу тревоги. Тарас разбил оставшихся в строю (а мы потеряли за два дня шесть «калек», которых он «списал подчистую») на три группы по пять человек. Получили холостые патроны для «боя», пакет «взрывчатки» и сигнальные ракеты на случай, «если кто потеряется». Все удивились, что это за случай, но оказалось, что потеряться не составляло труда: нас будут высаживать ещё затемно с катера в воду за пару кабельтовых от берега, для оружия, амуниции и обуви — специальный плотик. На берегу надо будет сориентироваться и незамеченными выйти «по территории противника» к «объекту» с заданными координатами и условно уничтожить находящуюся там «боевую технику». При обнаружении группы «противником» до уничтожения «объекта» давалась только возможность «геройски погибнуть», это был «неуд».

Вся данная операция стала полным «Ватерлоо» для новоявленных спецназовцев. Наша группа с шумом и плюханием подобралась к берегу, кое-как, съедаемая комарами, обмундировалась, прошуршала по камышам и затем прямоком вышла на засаду из двух инструкторов, неожиданно забросавших нас взрывпакетами после того, как кто-то зацепил растяжку с сигнальной ракетой. Гибель случилась даже не геройская. Почти так же бесхитростно на «минном поле» на растяжках была «уничтожена» ещё одна группа. Третья группа очень хитро пошла далеко в обход, но пока обходила,

совсем рассвело, и на подходе к «объекту» её подловили и «расстреляли» Тарас с инструктором по водолазной подготовке.

На разборе с подведением итогов прозвучало много обидных, но справедливых слов. Все поняли, что представляют собой тупых, ни х@ра не умеющих двуногих, даже бараны ценятся больше, потому что из них получается шашлык, а из таких вояк — только корм червям или рыбам. Далее Тарас рассочувствовался: с такой самооценкой впору только утопиться, но он знает хороший способ, как можно самоутвердиться и снять стресс. Он нам поможет.

Сразу после завтрака: «Встать! Строиться! Бегом марш!» Через несколько минут: «Стоить! Проверить экипировку!», — и те, кто оказался без шлема или чего другого, падают и отжимаются. Уже жарко, пот бежит струйками. «Бегом марш!», — через полчаса бега в голове уже полный туман, мыслительные способности полностью исчезают, хочется только послать всё, всех, на все склоны с падежами, и упасть. Но какая-то непонятная сила держит, толкает вперёд. Потом включается какой-то механизм, который называют «вторым дыханием» и ты как будто наблюдаешь со стороны за муками своего тела. Может, это «момент истины»? А вот хрен тебе, ещё рано!!!

«Разбиться по двое, начать отработку рукопашного боя!» О, это дело Тарас любил особо, он входил в раж! Тех, кто сачковал или жалел «противника» — бывшего сотоварища,

Тарас сразу видел и начинал работать с ними лично, результаты такой работы народ углом глаза лицезрел и ухом слышал, от этого желание сачкануть пропадало полностью. А потом была команда идти группой на группу, бились не в полный контакт, но какие впечатления, какой азарт и какая боль в побитых местах! После этого бег по пересечённой местности уже показался приятной пробежкой. А инструкторы между тем говорили, что Тарас стал «уже не тот», остепенился и обленился, а вот что раньше-то было... Фантазии представить, что же могло ещё быть, уже не хватало. Чувства усталости, боли и жажды стали единственными признаками принадлежности к живым человекам.

Надеясь хоть немного отдохнуть в обед, из последних сил вползли в лагерь. Санинструктор мажет зелёнкой волдыри, ссадины, клеит пластырь. Потери — ещё два человека, у одного выбита ключица, у второго — что-то с ногой, вернутся они в наш «поток» или нет, неизвестно. У некоторых уже нет сил даже поест, они вползают в палатки и валятся на койки.

Не проходит и часа после обеда, как возле палаток раздаётся оглушительный грохот взрывпакетов. Народ выскакивает наружу, видок у всех — как у мертвецов, от усталости трясёт, как от лихорадки. Строимся, — и бегом к ангару, тащим надувные лодки, рассаживаемся — и вперёд. Часа через три гребли высаживаемся в районе стрельбища, отрабатываем уход с линии огня, передвижения броском, перекачком, ползком. Прыжок влево, кувырок через плечо... У-у-у-

ё-ё-ё! В траве коряга попалась...

Потом инструкторы подвозят гранатомёты, стреляем по старому ржавому БТРу. Один боец, ещё сохранивший силы на любопытство, высунулся из-за бруствера посмотреть на выстрел и, получив пыжом прямо в лоб, потерял сознание. Очнулся он быстро, но идеально круглый синяк, постепенно ставший желто-коричневым пятном, на лбу носил очень долго.

В лагерь возвращаемся уже бегом, бежать надо синхронно, потому что на себе тащим лодки. Когда кто-то сбивается, нет мочи что-то кому-то выговорить, только безадресно звучит самая примитивная ругань. Двигаемся уже с каким-то неистовством, назло себе и Тарасу. А Тарас довольно лыбится и радуется, потом уже он всем скажет, почему: если боец доходит до неистовства, хрипит, матерится, но двигается, выполняет команды, держит удар и бьёт сам — всё, он в спецназе.

03.04.2012

Тайный план «Путина»

ПУТИ'НА, жен.

- 1) Время, когда рыба идет массою; сезон, в течение которого производится улов рыбы.
- 2) Путь, путешествие (нар.-поэт.).

«Чтобы партия не потеряла душу, веру и волю к борьбе, мы должны изображать перед ней возврат к меновой экономике, к капитализму как некоторое временное отступление. Но для себя мы должны ясно видеть, что попытка не удалась, что так вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни нельзя. Можно попробовать загнать население в новый строй силой, но вопрос еще, сохранили ли бы мы власть в этой всероссийской мясорубке»

В. И. Ульянов (Ленин)

Возвращаюсь вечером после работы домой с непреодолимым желанием скрасить этот суетной и короткий зимний день ужином и согреть душу стопочкой «Трофейного». Дверь открыта, на кухне горит свет и гундосит радио. С уверенностью, что это сын, не предупредив, приехал в командировку и кончает мой ужин, спешу с ним обняться и... хватаюсь за отвисшую челюсть: на банкетке за столом сидит полковник! На столе — бутылка 12-летнего «Курвуазье», на

блюдечках нарезан лимончик и сыр, по внешнему виду и запаху тянет на «Канталь». Полковник с поползновением на торжественность встаёт и протягивает ко мне длинные жилистые руки. Обнимаемся, но у меня от неожиданности получается как-то скованно и неловко.

— Т-т-товарищ п-полковник, какими судьбами?

— Вот именно, судьбами. Не полковник, а генерал. И уже давно.

— Извините, т-това...

— Не надо, Слава, зови меня просто...

— Михал Иваныч?

— ...как раньше — Иваныч. Так будет лучше. Решил тебя увидеть, и вот — пришёл.

У меня в голове засуетились сразу две мысли, одна: «почему так будет лучше?» и вторая: «ага, припёрся через полстраны, только чтоб меня увидеть!». 19 лет не виделись и лет семь-восемь, как даже по телефону не слышались. Мысль о том, каким образом Иваныч попал в мою квартиру, даже не мелькнула. Это дело для него пустячное.

— Ну вот и увиделись. Что, за встречу? — киваю на бутылочку экзотической формы.

— Само собой. Наливай, у тебя это всегда хорошо получалось, а мастерство с годами только совершенствуется. Если это мастерство. Смотрю — ты в форме, молодец, ещё боец.

Произносит он всё это в своём стиле, солидно и с расстановкой, наблюдая за моими манипуляциями с бутылкой и

бокалами.

— Вы... ты, Иваныч, выглядишь вааще как... полковник, а не генерал.

— Спасибо, дружище, за комплимент.

Выпили первую не закусывая, вторую уже начали смаковать и зачмокали лимончиком и сыром. От мягкой и горячей растворимости «Курвуазье» у меня душа моментом оттаяла и начала распахиваться:

— А помнишь, Иваныч...

— Помню, Хмурый.

Я поперхнулся. Не случайно он произнёс мой первый рабочий псевдоним. Тем более, что этот, первый, он раньше и не знал, в личном деле его не записывают.

— Понял. Сначала о деле?

— Правильно понял, Командир.

Сомнений в том, что Иваныч появился по мою душу, не оставалось. Потому что «Командир» — мой второй псевдоним уже по общим с ним былым делам.

— Товарищ генерал, 19 лет — большой срок. Я-то поначалу ещё думал, что на что-то сгожусь...

— Ну да, самодеятельность тут устроил, борец, блин, за правду и справедливость... Да ты не рефлексируй, мы тебя всё это время не упускали из виду.

Вот оно что, — «мы». Мы сейчас — это кто, за кого? Против кого? Михал Иваныч и был не прост, а ныне, видно, и подавно.

— Т-товарищ генерал, давайте уже по существу!

— Да говорю тебе, не рефлексируй. Расслабься.

— Извини, Иваныч. Давно не виделись.

— Извиняю, действительно срок большой, и люди переменились, переобулись, и не раз. Но большие дела требуют немалых сроков. Всё, что наспех — профанация и карикатура. 1991 год, надеюсь, помнишь...

— Ещё бы. И 1993-й мне всю душу испоганил. Демократия, блин, еб@натиков.

— Мне, Слава, понятен ход твоих мыслей, почти как своих, но — тогда. Давай вернёмся в сейчас. Скажи, не лукавя, как ты относишься к Самому?

Я интуитивно уже ждал этого вопроса, но, как и какой преподнести ответ, ещё не решил. А, да ладно, не записывать же мои тирады прилетел Иваныч из столицы. От меня, клопа, для правителя угрозы — никакой, так только, пуки в тазик.

Ну и минут пять я «давал волю словам» не выбирая эпитетов. И про Самого, и про его приспешников, и про когорту жуликов, воров и казнокрадов в целом и в частности, отслеживая изменения на лице Иваныча периферийным зрением. Никаких изменений не было. Он только по окончании моего монолога кивнул головой:

— Всё правильно, Слава. Всё так. Всё так, как надо.

Я ожидал от Иваныча чего угодно, но только не о том, что «всё так, как надо».

— Что правильно, что так, как надо?! Кому, блин, надо?!

— Державе, дружище, державе.

Иваныч не переставал меня удивлять. Для этого он, что ли, появился?

— Какой, к... матери, державе? Извини Иваныч, у тебя может на почве контузии...

— Слава, не хами. Слушай дальше. Но перед тем, как слушать, давай кое-что вспомним...

— А давай. Вспомним. Только ещё выпьем, как говорится, вздрогнем, чтобы уже не вздрагивать.

— Давай, за нас и за державу. Чтобы не было за неё обидно. Без нас она не справится.

Хорошо, что я не успел выпить, а то бы снова поперхнулся.

— А вот это уже, как говорится, поподробней, пожалуйста.

— Стоп-стоп, был уговор, — сначала вспоминаем. Помнишь, я как-то давно спросил, дрогнет ли у тебя рука, если надо будет поставить к стенке всех тех, кто развалил страну?

— Иваныч, когда это было. Вспомнил, блин. Уже почти всё развалено. Кроме ЖКХ, которое только крепнет, запустив клешни во все карманы...

— Так, вспомнил. Что ты мне тогда ответил?

— Ну и ответил, что не дрогнет.

— Искренне?

— Искреннее не бывает, только теперь...

— А теперь слушай. Когда ты тогда ответил, ты уже перестал принадлежать себе. Всё, что потом происходило с тобой, — всё результат твоего искреннего побуждения.

— Не очень-то понимаю, какая связь...

— Поймёшь, не всё сразу. Помнишь, когда по нам в схро- не жуки ползали, ты рассказал, как на своём десантном корабле, болтаясь месяцами в море, вы для развлечения ловили тараканов? Тараканов травить было бесполезно, хоть чем. Они только расползались по щелям, а потом выползали снова уже с молодым потомством. Как вы их называли?

— Стасики.

— Именно, стасики. Вы тогда размазывали на дне жестяной банки из-под сухарей сгущёнку, тараканы лезли в эти банки, а назад вылезти уже не могли — увязали в клейкой массе.

— Да, и влетающие в банку тараканы становились жертвами своих собратьев, которые цеплялись за новичков и замазывали их липкой приманкой.

— А теперь скажи мне, когда началось разложение страны.

— Иваныч, не надо меня экзаменовать. Мы вместе с этим варились, нас тошнило от этой номенклатуры, но их нельзя было трогать, даже намекать на их гнусность и двуличие было не принято.

— Ну и?

— В смысле?

— В смысле ассоциаций с тараканами. Подумай, вспомни историю, интересный такой был период — НЭП. Потом Иосифа и так далее, и привяжи к событиям только что прошедших дней.

— Так, значит, историю... НЭП... Сталин... эти все последыши... Да иди ты, полко... пардон, генерал. Это ты говоришь «мы» о тех, кто намазал сгущёнкой банку для стасиков? Только те членистоногие, которые в банку попадали, сгущёнкой захлёбывались и дохли, а эти, которые по кабинетам, как-то на долю свою не жалуются и ни с кем своей добычей делиться не собираются.

— Вот именно. За эти годы все уже вылезли из своих щелей. Все уже присосались и вляпались. И с большими надеждами повесили на себя значок о принадлежности к воровскому сословию. На нём даже медведь похож на крысу.

Когда Ильич с Феликсом придумали НЭП, это было гениально: изобразили вынужденный возврат к капитализму, и экономику поднимали, и заодно могли убрать из партии кулацко-собственнические и мещанские элементы. И все ведь «стасики» поверили, такое пошло «предпринимательство», что след того разгульного времени навсегда сохранился. «Мурка» и «Лимончики» — это ведь оттуда. Но не хватило вождям здоровья и сил, а остальные умом не отличались, но торопились отличиться в служебном и идейном рвении. Очень торопились, подсиживая друг друга. И всё испортили.

Иосифу ничего не оставалось, как давить жадных до вла-

сти «стасиков», а остальные попрятались и перекрасились. После его сапог такая приманка уже бы не сработала.

Никита по своей надобности запустил вентилятор с тёплым ветерком, на который было полезли чувствительные до тепла «стасики», но и он действовал непоследовательно и непредсказуемо, как бросивший пить председатель колхоза. А с Лёней уже всё перемешалось, тараканы переоделись в полезных делу всеобщего благоденствия жучков, и даже в навозных жуков — ассенизаторов. В партию полезли не за превращением в жизнь идей коммунистической справедливости, а за постами с доступом к дефицитам. Ну а дальше — неминуемое и полное разложение сначала самой партии, а потом и всего государства. Государством стасиков мы стали ещё задолго до переворота. При Лёне был великий и очень терпеливый Юрий Владимирович, у которого тоже был план. Но терпения ему хватило, а здоровья — нет. Потом Миша-перестройщик приучил всех к тому, что слова и грозные угрозы власти — фикция. А плюрализм — сила. Говори «перестройка» и «гласность» — и твори что хошь, тявкой «ускорение» — тащи и набивай мошну.

Борис дополнил процесс тем, что допустил к рулю мошенников и бандитов, и коррупция стала обычным делом, как насморк.

Страна может функционировать только благодаря энергичному и талантливому меньшинству. Типа, элиты. А какая она сейчас, элита? Правильно говоришь — воры, казно-

крады, жулики и бывшие братки. Интеллигенция — публика ненадёжная, каждый будет дуть в свою дудку, а потом друг с другом перецапаются. Каков выход? Очиститься от этого ракообразного материала, выдвинуть новую элиту. И сам собой отпадает вопрос о национализации.

— А где её взять, новую элиту? И под каким флагом изволите её выводить?

— Ай-ай-ай, у нас нет национальной идеи... Да все идеи уже давно кем-то придуманы. И лежат в Гохране, пересыпанные нафталином. Ну да, конечно — как только великая идея овладеет массами, всё меняется, всё трещит, драйв, движуха! Но как только всё устаканивается, ото всюду вылазят упомянутые нами тараканы. Жулики, казнокрады и вкупе с ними тупые служаки быстро адаптируются и любую высокую идею извратят до безобразия и опустят до корыта с баландой или стакана с бормотухой.

Есть и другие тараканы. Те, которые зарождаются в голове. Которые размножаются и жрут идею, пока от неё не остаётся кучки дерьма. Тогда эти головы пустеют и на их место приходят другие головы, у которых другие тараканы.

— Иваныч, это всё понятно, но и народ наш стал никакой. Все спились, дегенерировали, генофонд подорван — одни дебилы и олигофрены. Невозможно никого заставить работать, не хотят и уже не умеют.

— Лейба, который нам известен как Троцкий, ещё когда говорил, что с этим народом коммунизма не построишь...

Коммунизма, может и не построишь, а вот не одну мировую империю народ расх@рачил. Сейчас же народ действительно болен. В нетрадиционной медицине есть способ излечения некоторых болезней, особенно инфекционных, проистекающих от паразитов. Нужно сделать вид, что сдался, принял болезнь, перестать сопротивляться. Паразиты тогда расслабятся и перестают бороться с организмом, он-то им ещё пригодится, если всё сожрёшь — что останется? В другом организме есть свои паразиты, они чужих не очень-то пустят.

Чего мы только не придумывали. И тут как-то нечаянно, невзначай в дежурный проект «Единая Россия», который и внедрялся-то для того, чтобы уводить президента от прямых нападков со стороны всяких умников, попёрли те самые жаждущие кушать Стасики, по ходу плодящиеся своими родственниками и подельниками. Это был подарок! Перст судьбы!

— Иваныч, так что — банка наполнилась? Все там? А как же Сам?

— А Сам — он и есть сам. Он свою задачу выполняет на своём уровне. Всё идёт по плану. У каждого своя задача. Многие о ней не знают, как вот ты. Но мы должны быть готовы. Меня было потянуло вскинуть руку наискосок и брякнуть: «Всегда готов!», но удержался. А генерал продолжал:

— Увы, мы не пионеры-первопроходцы. Мы ассенизаторы. Без ассенизаторов и антисептиков инфекции с паразитами и зловоние гниения давно бы убили человечество.

— Постой, Иваныч, но Сам-то к этим дерьмократам сразу кинулся в услужение...

— Куда послали, туда и кинулся. В разведке это как раз-два.

— И его, конечно приняли, — с распростёртыми объятиями...

— Ирония неуместна, в эту банку с пауками легко попасть, но трудно там выжить, тем более стать вождём пауков. Это была очень тонкая и грамотная комбинация. Не обходилось без экстрима, и в наших рядах заводятся крысы с кротоми, готовые удавиться за пачку вонючих баксов. Надеюсь, ты слышал скандал с обыском у этой медиаакулы, блин. Она кое-что разнюхала... Крота зачистили, но не были уверены, что он ничего не успел передать. Сделали высшей пробы подставу, она сразу повелась, приготовила бабки за супер-сенсацию, а их у неё изъяли как «общак оппозиции». И всё как надо посмотрели. Успокоилась сразу, к тому же мама у неё — ответственная женщина.

Всё мною услышанное казалось полной фантастикой. Очнувшись от нахлынувших мыслей, я ощутил на себе пристальный взгляд, воистину генеральский взгляд.

— Надеюсь, Командир, тебе понятно, что меня здесь не было, ты меня не видел, а я — тебя. Всё это тебе приснилось во сне. В вещем сне.

Когда я проснулся, ощущение было такое, что всё произошло наяву, а явь после пробуждения — это сон. Во сне каза-

лось очень важной одна мысль, которую я не донёс до Ивана-ныча и до других людей, но должен был донести. Как выполнить миссию. Это была мысль о том, что тараканы из наших квартир ушли. А куда ушли, это никто не исследовал. А они ушли в наши головы!!! Теперь эта мысль казалась глупой.

Умывшись и поставив чайник, решил выбросить мусор... в нише рядом с мусорным ведром стояла пустая бутылка «Курвуазье». Продолжаю спать?!

Все персонажи сего повествования не то, что вымышлены. Они — из сферы сновидений.

17.12.2012

Он так и не смог опохмелиться

Хотя только ещё заканчивался июль, обычно в этих местах солнечный и жаркий, погода была мерзопакостной, сырой и туманной. Дождик зарядил с самой ночи и почти беспрерывно сыпал водяной пылью. Городское кладбище, место мрачноватое и невеселое даже в самую безоблачную погоду, понуждало передёрнуть плечами, внутренне съёжиться и погрузиться в безысходную печаль.

Автобус «пазик» похоронной компании «Мемориал» проехал по центральным, даже местами заасфальтированным кладбищенским дорожкам и заелозил дальше уже по разъезженному и разъеденному жидкой грязью проезду. Памятники, могильные плиты и кресты с оградками и расчищенными проходами между ними закончились и глаз заскользил по заросшим кустарником и травой могильным холмикам с покосившимися, гнилыми или ржавыми атрибутами кладбищенского обустройства.

Наконец автобус остановился возле нескольких рядов ещё свежих холмиков. Только некоторые из них выделялись деревянными крестами и простенькими венками. Это был, скорее всего, участок для «социальных» погребений, то есть для самых непритязательных и бранных по итогам завершения своей земной юдоли тел.

Из автобуса резво выскочили двое мужиков из могильной

команды, отработанными до автоматизма движениями стали извлекать гроб и размещать его на подставке под моросящим избыточной слезой небом. За ними вышли всего лишь четверо участников похоронной процессии. Две женщины, одна преклонных лет, вторая — лет пятидесяти. И двое мужчин, один крепкий и весь респектабельный, примерно сорока лет, другой уже пожилой, худощавый. Раскрыли зонты и неуверенно приблизились к установленному гробу с покойником. Что и как надо делать, хорошо знали только кладбищенские работнички, они и стали руководить дальнейшим ритуалом, чтобы не затягивать время.

Ритуал был самый простой, без религиозных церемоний. И как только покойника открыли для прощания, дождь резко усилился и все четверо приблизились к гробу, закрывая его и себя зонтами. А когда самый молодой и респектабельный мужчина без особой деликатности произнёс что-то вроде того, что покойный как жил в грязи, так в грязи и уходит, зонт над ним вдруг резко схлопнулся и вся вода ливанула на него, разбрызгиваясь на вздрогнувших от неожиданности людей и на безучастный ко всему труп. А так как ветра, от которого зонт мог бы сложиться, не было, то все присутствующие оторопели, а могильщик, который был менее своего напарника возрастом и может потому ещё не утратил остроты восприятия, крикнул в сторону:

— По-ходу, так и не смог мужик опохмелиться...

Он-то, скорей всего, хотел выразить, что такая вот чертов-

щина происходит, поскольку «клиент» отошёл в иной мир без опохмелки. Ну и, типа, вода уже не опохмелит бедолагу. Но как бы лишённая глубокого смысла фраза для знавших, как жил покойный, стала прямо-таки пророческой...

Если хотите просечь этот скрытый смысл, слушайте дальше краткую историю жизни и смерти.

Жил-был мальчик, родившийся в послевоенные хоть и трудные, но полные надежд годы. Школа, армия, потом работа — стандартный набор. Но не совсем стандартный при этом характер. Неуживчивый, как ещё говорят, своенравный. Тянуло всё показать себя, а в победители соцсоревнования не тянуло совсем. Проще всего — прикинуться блатным, загульнуть с друзьями в кабаке. Но как-то нарвался на настоящих блатных и хорошо получил. А когда после этого лечился, встретил хорошую девушку, которая его пожалела. Загорелось жениться, а там и сын родился. Но обыденная семейная жизнь быстро надоела, и любовь прошла. Опять забегал, сначала втихаря загуливал в командировках. Потом уже перестал стесняться, а когда в семье начались из-за этого конфликты, бросил жену с маленьким сыном. Может, сначала о нём вспоминал, но даже не показывался, а со временем — вообще забыл. Так же, как до этого забыл о родителях и не хотел знаться со старшим братом, который стал «начальником» и надоедал нравоучениями. Свобода ведь превыше всего. Свобода — это когда с кем хочешь, когда хочешь и сколько хочешь. Но время идёт в свою сторону. В душе пу-

стога, а чтобы еще чего-то хотелось, надо дозы увеличивать. Потом на «столичную» уже не хватает, только на обычную... К расцвету сил силы были уже не те, а дружба с головой закончилась, так и не начавшись. К этапу подведения итогов остался один с проживанием в комнате коммунальной квартиры, соседи за хамство и пьяные загулы желали ему только одного — быстрее бы допился и освободил жилплощадь. Не оставил его только брат, приходил, подкармливал и лечил. Но когда брат сам заболел и вскоре умер, опекать престарелого забулдыгу стало некому...

Рабочие с какой-то поспешностью заколотили гроб, подхватили и потащили к разверстой могиле. Провожающие пробирались за ними между обрызгивающих кустов по мокрой траве, избегая вступать на скользкую глину вперемешку с грязью. Остановились у могилы. Гроб ушел вниз, в могильной тишине гулко застучали по его крышке большие комья глины и земли...

В последний земной путь упокоившееся тело спроводили первая жена, сын и племянник с племянницей. Соседям уже умерший брат погребенного как-то оставлял номер своего домашнего телефона, по нему они дозвонились и сообщили.

Тот, кому никто не нужен, сам становится никому не нужен. Это не нравоучение. Это одна история жизни и смерти. Поучительная или нет, судите сами.

20.08.2013

Машину угнали...

Звонок мобильного в самую рань, когда сон никак не даёт очнуться, всегда, мягко выражаясь, неприятен. Иногда даже омерзителен.

— Ты чё, спишь?

Нет, чтоб тебя, бессонница мучает, аж одеяло заворачивается... — на языке висит ответить. Но зная, что Санька просто так, для прикола, тревожить не будет, сурово вопрошаю:

— Чего надо?

— Да вот (серию непечатных выражений опускаю, потому что затрудняюсь повторить) ... Машину угнали...

Вот тебе раз. Трагедия. Санька купил «двенашку», которую редкие и вынужденные фанаты отечественного автопрома ещё обзывают «дюжинкой», у своего брата только недели две тому назад. Ещё обмывать не закончил. Машинка трёхлетняя, в очень приличном состоянии, небитая. Он её даже боялся в свой гараж ставить, загонял на платную стоянку.

Санька — весьма крутой и многоопытный строитель, старший мастер местного управления «Газстроя». Его управа находится далековато, на другом конце города, на общественном транспорте туда добираться нереально. Ездил он на неоднократно убитой, но чудом воскресающей «копейке», сохраняя к ней невиданную для большинства мужиков преданность. Даже после того, как его сын, взяв покататься, чуть

не отправился на тот свет из-за вылетевшего шарового подшипника. И вот, только обзавёлся приличной машиной — и на тебе!

— Откуда угнали?

— Да вот вчера... это, после работы... Ну, а вообще, от магазина...

Это была очень содержательная информация.

— Какого магазина... Так, а когда?

— Да говорю же, по-ходу, вчера.

Это ещё более интригующий поворот.

— Так какого же ты сейчас только звонишь?

— Ну, так это... ехать надо... Чё-то делать... Ты скажи, чё делать?

С учётом опыта былых взаимоотношений стало понятно, что к Саньке сознание вернулось совсем недавно. Незадолго до реализованной мысли позвонить мне. Свой действительно немереный строительный опыт он регулярно разбавлял водкой с пивом в разнообразных сочетаниях: то водку с пивом, то пиво с водкой, — в зависимости от настроения, времени года и других обстоятельств.

— Подходи через полчаса в гараж, я как соберусь, пойду за машиной.

Гараж был в прямой видимости из окон его квартиры, а от моего дома — наискосок, через два двора пройти.

У Саньки, как всегда по утрам, щёки хоть и бритые, но безнадёжно мятые, взгляд — косит куда-то вниз и в сторону.

И мощный выхлоп, слегка смягчённый жвачкой «Арктическая свежесть». Пока едем до города, он сбивчиво, путано и местами противоречиво разворачивает следующую версию вчерашних событий.

После работы он якобы сразу устремился домой. По дороге заехал в магазин, стоящий на бойком перекрёстке. Зашёл минут на десять, а когда вышел — машины нет. Судя по картине, вырисовывающейся из его многоэтажных словесных построений, в жутком нервном беспокойстве он опросил всех, кто там стоял, — увы, никто ничего про его машину сказать не мог, ничего подозрительного не заметили. Оббежал все ближайшие дворы, чуть не весь квартал — машины и след простыл.

Мне эта версия сразу показалась сомнительной. Саньку я не представлял одиноко устремлённым после работы домой, а трезвым — тем более. Поэтому сразу спросил, в какое это было время, был ли кто с ним ещё, а главное — кто сидел за рулём, неужели сам?

Сашок от вопросов встрепенулся и сюжет истории стал закручиваться. Он тут уже вспомнил, что за рулём был Богданыч. Легендарную Санькину «копейку» уже подхватил сын, а на новой тачке он ездить ещё не «приспособился» (оно понятно, некогда, никак не выходит перерыва между возлияниями). Вот он и определил своим личным шофёром многоопытного водилу Богданыча, который когда-то в молодости крутил штурвал «БелАЗа». Богданыч теперь работал в

этой же стройконторе на служебном автобусе, а проживал с нами по соседству. Автобус он оставлял у управления или на промплощадке, а на «двенашке» рулил до Санькиного дома, потом авто помещал на платную стоянку. А утром забирал и доставлял начальство на работу.

Далее событие освещалось уже с поправкой, что за рулём был Богданыч. И так же всё случилось, когда заехали в магазин. То есть Сашок туда зашёл на десять минут, а когда вышел — нет ни машины, ни Богданыча. Далее — уже упомянутый ранее шок, выражающийся в изощрённых словосочетаниях, и не давшие результата поиски. Но теперь получалось, что либо Богданыч без спросу уехал, либо машину угнали вместе с ним. Что уже претендовало на серьёзный криминал.

— Так, а ты Богданычу звонил?

— Не отвечает, не доступен.

— А к нему домой?

— А откуда я квартирный телефон знаю? Я его по мобиле набираю... Слышь, это... дочка его сказала, что его дома нету.

— Кому сказала, ты ж наверно лыка не вязал?

— Да утром моя жена туда ходила, я-то только знаю, где его дом...

Вот так. Уже тянет на разбойное нападение с завладением транспортным средством.

— Постой, а когда и как ты дома оказался?

— А х@р его знает... Ну это... Короче, вроде тачку оставливал...

— Ну ладно, раз уж мы в городе, едем в твою контору, а если что, назад вернёмся уточнить.

При доскональном опросе оказавшихся на месте нескольких Саниных сослуживцев нарисовалась картина более развёрнутая, но вся в мутных разводах. Как часто бывает у строителей среднего руководящего звена, к концу рабочего дня, а может, ещё к середине, Санька «зацепился». Ну и понеслось... Машина стояла возле управы. Стояла-стояла, а потом её не стало. Когда, с кем и на чём наш потерпевший уехал, никто не зафиксировал. Чё с них взять, строители... Про Богданыча тоже никто и ничего не смог сказать. И охрана его сегодня не видела.

Доехав до злополучного магазина, тоже ничего нового не разузнали. Я узрел поблизости бойкую кафешку-забегаловку. Появилась надежда на то, что машину поставили куда-нибудь, сами забурились в сие злачное место, а потом по пьяне про неё забыли. Прочесал все прилежащие дворы — глухо.

Итак, машины нет. Богданыч пропал. В принимающем нехороший оборот деле вполне мог появиться труп. Делать нечего. Остаётся только писать заявление в милицию. Предлагаю Сане сдаваться в райотдел. Он заметно загрустил и закрихтел, но под тяжестью доводов согласился.

Выруливаю на дорогу, а он вдруг истошно так:

— Останови-и-и...!

Я решил, что он машину свою увидел. Или в голове «прострелило», и что-то важное вспомнил. И — по тормозам. А оказалось, ему надо к киоску за «Алкозельцером»:

— В ментовку ж едем, лучше будет запах убрать...

В райотделе больше часа ждали, пока освободится дежурный дознаватель. Это была поспешно выходящая из молодых лет особа в звании старшего лейтенанта. Необизженность мужским вниманием проступали в нескрываемой небрежности и в помятой одутловатости ещё сохраняющего миловидность лица.

Стол был завален бумагами, подшивками в картонных корочках и без. Некий порядок наблюдался только на приставленной к столу тумбочке, на которой в готовности торчал электрический чайник и тосковала покрывшаяся жёлто-коричневым чайным налётом чашка.

Дознаватель нас слушала, закатывая глаза, кривя рот и всей позой мясистого тела выражая утомление надоевшими до «самого не хочу» дебильными заявителями. В это время в кабинет завалился удалой модно стриженный милицкий капитан и разразился шуточками и любезностями. Уже с полным невниманием дослушав сбивчивые Санькины речи с моими поправками и дополнениями, милиционерша засобиралась с капитаном на обед. Пришлось исторгнуть немало пыла и красноречия, чтобы уговорить её по-быстрому оформить заявление и объяснение, чтобы потом не портить про-

цесс пищеварения.

Получив справку о регистрации заявления, потащились ещё и в ГИБДД, чтобы завели новый объект угона в план «Перехват». Так положено — перехватывать всё, что угнано.

Закончив, садимся ко мне в машину. Санька заискивающе просит меня вернуться в его управление, вспомнил вдруг про какое-то ещё срочное дело. Ладно, полдня уже хоть как вылетает.

Из управы он выходит энергичным деловым шагом. Раз-машисто и нагло плюхается на сиденье. Голова гордо приподнята, взгляд уже не убегает в сторону, а воплощает целеустремлённость. Ясно, что дело действительно было большой срочности, — опохмелился, гад.

— Так, теперь — на промплощадку!

— Ты с какого тут буреешь? Иди ты... (в смысле, далеко иди) ... Алкашами своими командуй!

— Ты это... извини. Я же заплачу. Срочно съездить надо.

Промплощадка вообще за городом, в другом районе. Приезжаем. Останавливаюсь у ворот, дальше меня не пускают — зона строгой материальной ответственности.

— Тут меня жди.

На этот раз молчу. Любая критика уже бессильна, как и медицина тоже.

Минут через десять возвращается — и уже совсем не в своём руководящем образе и репертуаре. По-дурацки как-то лыбится, бочком-бочком и непонятно зачем тянется к мо-

ей руке. За такое короткое время нажраться невозможно, но другое объяснение наблюдаемых мной реверансов просто в голову не приходит.

— Это... Как тебе сказать... Тут моя машина стоит... Ты это, помоги заяву забрать... Богданыч, козёл, её сюда пригнал... и ночевал тут... на бензин, блин, ему не дал... телефон у него сел... урод...

— Да это ты — урод! Тут стоит? Какого тут стоит? Кто кому не дал? Вот, козлы...

Теперь уже я не могу подобрать слов. Сажусь в машину.

— Как хочешь, так теперь и забирай свою заяву. Достал... алкаш хренов! Мозги... скоро совсем пропьёшь!

Когда я трогался, Санька замахал руками, подбежал и сунул в приоткрытое боковое стекло три сотни. И, довольный собой, широким шагом устремился к воротам. Руководить дальше.

29.08.2013

О тех, кого упокоило море

Написано на гибель РПК «КУРСК» 21 августа 2000 г., попытка тогда же опубликовать в газетке не увенчалась успехом. Газетчикам тогда не до того было — близились местные выборы. Смахнув пыль, предлагаю Вашему вниманию...

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПОГИБШЕМУ ЭКИПАЖУ РПК «КУРСК»

Мохнатые мрачные сопки
Обнажают голые скалы.
Пахучий ветер из тундры
Обдувает лицо и нервы
Скользящим прерывистым сном.
То полярное яркое солнце
Пронзает бирюзовую толщу моря.
То тяжелые горбатые волны
Без солнечного света
Ворочаются жидким свинцом.

Как забытые кем-то игрушки
Брошены между сопками
Безликие блочные домики.
Над крышами — темные тени

Бессилия, скорби и горя
Всех тех, кто еще вчера
Под этими плоскими крышами
Жил рядом с ними, —
С теми, кого захватило
Большое холодное море.

А выше сопок и облаков
В сияющем синевую небе,
Еще не обретшие привычку
К яркому свету после тьмы —
Смятенные души подводников.
Они вышли из толщи воды
Не со скрежетом раскроенного металла.
Морские души крепились
В последнем порыве сердца
И воли в смертельной схватке
За жизнь, — свою и корабля,
Единую и неделимую в море.

Они покинули мрачное дно
С последним стоном подводной махины,
Но не могут подняться к Богу
До назначенного Небом срока.
Им нужно время смириться
С тем, что они свободны
От грубого мира тревоги и лжи,

Что их путь лежит в безмятежность.
Ведь в этом мире остались
Их несмышленные дети
И потрясенные, слабые жены,
Согнутые горем матери и отцы.

Но скоро они вместят
Непостижимые внизу истины
И сорвутся за границы небес
К сияющей беспредельности,
Откуда смогут, как прежде,
Оберегать всех тех,
Кто недавно с ними делил
Тревоги, любовь и надежды.
Им уже не будет помехой
Условности и преграды мирские.
А наша память цепко будет хранить
Простые и светлые их образы земные.

Много сердец всколыхнулись,
Забились тревожно в груди,
Но волны надежды и боли
Уже не могли их спасти.
Стихии нужны были жертвы
За то, что кто-то посмел
Вторгаться в глубинные недра.
Океан не дал им какой-либо шанс.

От бессилия стиснул зубы
И матом всех крыл водолаз.
Не простило море ошибок,
Не простило на этот раз.

Мохнатые мрачные сопки
Обнажают голые скалы,
Как лживые пустые речи
Вскрывают ржавые души
Унылых столичных чиновников.
Но в порыве ветра и блеске солнца,
Увидев лица стоящих в строю
На борту подводной махины героев,
Ты знаешь: домики в сопках
Не могут быть брошены или потеряны,
Это вросшие в тундру ДОТы,

Это линия фронта Флота России,
Который через рев морской стихии
И через желтой прессы вой
Прокладывает курс на карте
Любви и почести народа
И готов всегда принять решительный,
Но не последний, надеемся, бой.

13.08.2014

Приключение с итальянцем в России

Степан Аркадьевич шёл по узкому тротуару Питерской улицы. Он пребывал в расслабленном состоянии глубокого удовлетворения. Такое состояние ещё называют благодушным.

Позади был рабочий день, последний на уже завершившейся рабочей неделе. Эта неделя случилась беспокойной и утомлённую голову ещё будоражили нерешённые проблемы. Но под натиском предчувствия аж четырёх выходных и праздничных дней, выпавших на День согласия и примирения, неожиданно ставшего Днём народного единства, озабоченные мысли обречённо утекали мутными потоками.

— Я свободен, словно птица в небесах... — звучала в его голове голосом кому-то знакомого Градского когда-то известная песня.

И погода нашёптывала, что не собирается мешать предстоящему активному отдыху в единении с озёрными просторами под успокаивающими лапами вековых елей... И можно со всеми соглашаться и примиряться... да что там — соединяться! Обнять и возлюбить весь мир!

Степан Аркадьевич даже пропустил две машины, не ступая на пешеходную зебру дороги. Обычно он осторожно, но

решительно пресекал попытки водителей не уважить пешехода, переходящего дорогу в обозначенном месте.

И тут его внимание привлёк симпатичный моложавый мужчина, похожий на иностранца, даже сразу можно подозревать — на итальянца или француза. Смуглый, с модной пятидневной небритостью, одетый в яркую голубую куртку с красными вставками, совершенно импортную. Штаны — замшевые. Определенно иностранец, наши так не одеваются.

Мужчина метнулся к пожилой женщине, что-то у неё спросил, но та от него отмахнулась, как от мухи. А в следующий момент Степан Аркадьевич воспринял вопрос, обращённый уже к нему и прозвучавший с лёгким неподдельным акцентом:

— Э-э-э... Пожалуста, ви мне скажити, как мне ехат... э-э-э... в Пулково-два?

А чего это он вопрошает про Пулково-два, когда Пулково, и раз, и два — вот там, недалеко? Вот он — Московский проспект, по которому прямо до кольцевой — и уже видно будет все эти Пулково? И зачем он сюда, на улочку свернул?

С этой мыслью, пожав плечами, но имея самые добрые намерения и испытывая готовность помогать людям, Степан Аркадьевич объяснил, что нужно ехать вон к тому проспекту, повернуть направо, а на следующем перекрёстке можно развернуться — и прямо, никуда не сворачивая. А там указатели не дадут заблудиться.

Степан Аркадьевич уже давно не был в аэропорту. Да и в

Питере он обосновался совсем недавно, до этого трудился и на Севере, и на Урале. Летал всё больше в Москву по срочным делам, а в Петербург и обратно как-то получалось только поездом... Откуда ему было знать, что Пулково-2 ещё с весны закрыт, а действует централизованный терминал...

В его памяти всплыли картинки из того, ещё советского времени, когда он часто летал. И случалось, зависал в аэропорту из-за нелетной погоды... или по необходимости штурмовал кассы продажи за час до вылета, где «выбрасывали» невыкупленные по брони места, или места сдавших билет, а также неявившихся на регистрацию. Только так, благодаря наглости или удаче, можно было улететь без бронирования или предварительного заказа билетов. Но бывало, чтобы так вот «поймать» билетик, приходилось чуть ли не сутки дежурить у кассы, в перерывах между рейсами нервно нарезая круги по аэропорту, перекусывая в буфетах и перекуривая в туалетах...

Степан Аркадьевич не заметил, как перед его носом появилась какая-то карточка, напоминающая бейджик участника международной выставки. Взгляд зафиксировал только яркое изображение зелено-бело-красного флага на ней. И стоящий перед ним иностранец, через край преисполненный благодарностью, заверещал:

— Я приехал из Италии... А сейчас надо ехать и лететь домой... Спасибо, спасибо! Приезжайте к нам в Италия...

И засуетившись, он подскочил к стоящему у обочины ми-

нивэну «Фольксваген», открыл багажник и взял пакет с этикеткой EURO MODE, в котором было упаковано что-то похожее на куртку. Уже смеркалось и отчётливо было видно только солидную яркую этикетку.

— Это моя благодарность...

Он оттопырил на груди пальцами свою симпатичную голубую куртку и продолжал:

— Это хорошая куртка, как у меня... Такая куртка стоит на ваши лиры... как это... рубли... 15 тысяч! Твой размер! На самолет до Италия это не можно будет пронести...

И «итальянец» сунул упаковку в руки Степана Аркадьевича. И тут же спросил:

— Есть у тебя жена?

Степан Аркадьевич бесхитростно кивнул и подтвердил, что и жена у него есть. Тогда «итальянец» схватил ещё один пакет, хотел и его вручить. Но, взмахнув руками от распиравшей его щедрой благодарности, передумал и взял большой чёрный полиэтиленовый мешок, опустил пакет туда, а за ним еще три таких же упаковки с какими-то шмотками. Всё, что было в багажнике. И вручил мешок оторопевшему Степану Аркадьевичу, который его машинально принял.

— Это всё тебе и жене... я всё равно не могу это забрать домой в Италия... Это хорошие вещи... Это стоит всё... полтора тысячи евро, понимаешь?

Не обратившийся ещё к пониманию, а ведомый только ощущаемым беспокойным неудобством, Степан Аркадьевич

стал невнятно вопрошать:

— Как это... это зачем столько... это что я должен...

— Не надо должен... давай немного евро или рубли — покушать в ресторане...

— Сколько надо-то, вы это... скажите... — и Степан Аркадьевич полез за кошельком.

— Ну триста... четыреста евро... сколько это будет ваших рублей?

Сколько это будет в рублях, Степан Аркадьевич так сходу не мог сообразить. Он открыл кошелёк, вытащил три тысячи и протянул «итальянцу». Тот их взял, быстро сунул в карман, но тут же обозначил, что этого мало:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.